

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Для эпохи письменной истории русского языка проблема источников исторической лексикологии заключается в отборе памятников, данные которых могут быть в той или иной степени, или должны быть полностью привлечены к исследованию. Обычно историки языка изучают звуковую строй и грамматическую систему древнерусского языка, используя материалы из всех без исключения древнерусских текстов, независимо от их содержания и назначения. Остромирово евангелие, другие древнейшие богослужебные книги были и остаются надежным источником материала для штудий в области исторической грамматики. Исключения, "изъятия" источников знают, в основном, история литературного языка и, как это ни странно для прикладной области, — историческая лексикография.

Наука об истории литературного языка зародилась — в трудах А.И. Соболевского и А.А. Шахматова — с постановки вопроса о происхождении русского литературного языка. Однако прямолинейное суждение: "История русского литературного языка до XVIII в. — это история русского церковнославянского языка"¹, — невольно наводит на мысль о том, что эта наука и теперь едва ли не так же далека от решения "вечного вопроса", как и во время своего появления. Разбору теорий и гипотез в этой области уже посвящаются книги, анализу языкового материала, к сожалению, уделяется меньше внимания. Иногда предлагается вообще не исследовать состояние языка в те или иные периоды его развития, а описывать "языковые ситуации". Понятие "языковая ситуация" механически перенесено в науку об истории русского языка из разделов языкознания, изучающих процессы взаимодействия языков, употребления разных языков в многонациональных государствах, в колониях. "Ситуация", т.е. положение, обстановка, условия, — по смыслу самого слова, термин неподходящий для характеристики строя языка, внутриязыковых явлений и закономерностей. Видимо, не случайно он отсутствует в фундаментальном коллективном труде лингвистов славянских стран — Словаре славянской лингвистической терминологии². Формулировка темы "Языковая ситуация в Киевской Руси и взаимоотношение древнерусского письменного языка с другими языками" на IX Международном съезде славистов³ предполагала нелингвистические решения и обязательное признание двуязычия: "языковая ситуация" существует там, где есть двуязычие, многоязычие. Было бы правильнее оставить этот термин социолингвистике.

Отнюдь не случайно доведенный до крайности в работах некоторых

¹ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 3.

² Словарь славянской лингвистической терминологии. Прага, 1977—1979. Т. 1—2.

³ IX Международный съезд славистов. Программа. Киев, 1983. С. 16.

языковедов тезис древнерусского двуязычия (равно и диглоссии) не подтверждается лексическими материалами. Так, о центральном ярусе языка — лексике Б.А. Успенский пишет, что она "наименее показательна при различении книжного и некнижного языка"⁴ (церковнославянского и русского у Б.А. Успенского). В путаной концепции "диглоссии" церковнославянский то объявляется "эллино-славянским" (с. 21), то предстает языковой системой без лексических отличий. Оказывается, что "вообще нет лексических различий между церковнославянским и русским языком: церковнославянские и русские формы противопоставлены в данном случае [до "второго южнославянского влияния". — В. Д.], собственно говоря, не на лексемном, а на морфемном уровне (по форме корня, флексии или словообразовательного форманта), т.е. на том уровне, который выражается в виде общих правил (образующих бинарные ряды соотнесенных между собой пар), а не в виде конкретных противопоставлений отдельных лексем. Граница между книжной и некнижной лексикой образуется совокупностью легко усваиваемых закономерностей общего характера" (с. 55—56). Очевидна зависимость этих рассуждений о "бинарности", об "общих культурных оппозициях" (с. 9) от давно устаревших теорий искусственности литературного языка.

А в каком виде представлена история слов в лексикологических "экскурсах", призванных подтвердить мысль о "дополнительном распределении" (с. 7) функций русского — "непросвещенного, некультурного" (по-видимому, для большей выразительности таких определений Б.А. Успенский предпочитает не пользоваться термином "древнерусский"), и церковнославянского — сакрального в христианском смысле, а значит "культурного" (с. 10)? "Архаическое культурное сознание" здесь полностью приравнивается к христианской идеологии, к тому же произвольно толкуемой: "Различие в употреблении церковнославянского и русского языка определялось, надо думать, различием между подлинной (высшей) и лишь эмпирически наблюдаемой реальностью — между объективным знанием и субъективным видением... Уже в старославянском различаются по значению *истина* 'то, что было на самом деле, в действительности' и *правда* 'то, что должно быть, правильность, справедливость (которая в идеале совпадает с подлинной действительностью'" (с. 49). Даже этимологически будто бы "в основе семантики этого слова [*правда*] лежит представление о божественном миропорядке... Правда может пониматься как договор между человеком и Богом" — со ссылкой на "Русскую Правду" (с. 112), при том, что в языке ее, как и других древнерусских юридических памятников, Б.А. Успенский видит язык нелитературный ("непросвещенный"), а сам этот свод считает записью дохристианских законов (с. 13—14).

Но церковникам в законодательном порядке приходилось устанавливать: преже всакога правды подобно естъ о Бжии правдѣ глти. Зак. судн. (по Варс. крм.), XIV в. (Срезн). Т.е. они прекрасно знали о

⁴ Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 5.

существовании иной правды и иных законов, кроме правды и закона божьего. Это прямо следует из текстов княжеских церковных уставов, начиная с Устава Владимира, близкого по времени крещению Руси. Для старославянского Р.М. Цейтлин указывает значение, отличающееся от того, которое (со ссылкой на нее) привел Б.А. Успенский, — *правда* 'правильность, справедливость (в суждении, решении)': Служити емоу прѣподобьемь и правдою прѣдъ нимь вса дньи живота нашего (ἐν ὁσιότητι καὶ δικαιοσύνη, in sanctitate et iustitia) (Лук. I, 75) Зогр., Мар.⁵

Не только "уже в старославянском", но уже в праславянском разнице в семантике слов *истина* и *правда* существовало, оно отражено в приводимом в этимологической литературе материале. До письменной поры сохранилось *правь(u)* 'прямой': Бждъть стрьпътна-а въ права-а и острии въ пѣти гладькы (ѣстаи тѣ сколиѣ еѣз еудеѣас) (Лук. III, 5) Остр. ев., 258. В праславянском и древнерусском *правь(u)*, *право*, *правда* прежде названия нравственных качеств, а также социальные, юридические термины (значит, все-таки культурные), и лишь потом уже, в соответствующих текстах, — термины христианские. На это указывают обе возможные (по М. Фасмеру и дополнениям О.Н. Трубачева) этимологии, как традиционная, в соответствии с которой *правый* из *рго-вос от *рго, родственного лат. *rgobus* 'добрый, честный, порядочный', так и предложенная В. Пизани, связавшего *прав-* с лат. *provincia*, первонач. 'власть, полномочие', **provinquos* 'облеченный властью, имеющий право' (**provos*).

Конечно, Правда Русская представляет собой установление социальное. Еще в договоре русских с греками 911 г.: многажды право соудихомь. Лавр. лет., 32; в летописи под 1037 г.: Мною цѣрве цѣтствуютъ, а сильнии пишють правду. Там же, 152. Мало того, в Слове похвальном Кириллу и Мефодию, литературном тексте, сочетание *печатъ правдѣ* 'знак справедливости, законности и силы', никак не "объективного знания": Источника бѣжю словеси. недвижима стѣлпа хѣи цѣрки. печатъ правдѣ. щить вѣрѣ. шлѣмь спсѣнию. Усп. сб., 207; и в новозаветном тексте, с которым явно перекликается этот отрывок, нельзя без натяжки усмотреть толкование, предлагаемое Б.А. Успенским: И знаменіе пріать обрѣзаніа, печатъ правды вѣрѣ (σφραγίδα τῆς δικαιοσύνης τῆς πίστεως, signaculum iustitiae fidei). (Рим. IV, 11), по Острожской библии, 1581 г. Семантически слова *правда* и *вѣра* в древних текстах различаются, и, кстати, в христианской философии *вѣра* более представляла "объективное знание", нежели *правда*. Не случайно для обоснования тезиса о "правде" как о "договоре человека с Богом" Б.А. Успенскому пришлось прибегнуть к отнюдь не филологическому толкованию беллетристических ветхозаветных эпизодов с превращением змея в жезл в руке Моисея, действовавшего будто бы "по божественной правде", и действиями египетских волхвов, совершавших те же чудеса, но уже "чарованиями своими" (Исх. IV, 4; VII, 11). В ветхозаветном "договоре" (на самом деле — разговоре) бога с Моисеем речь идет только о "знамении": Се же ти знаменіе (Исх. III, 12 и след., неоднократно); много ниже в этом тексте по-

⁵ Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М., 1977. С. 24—25.

является "закон", а "правды" в нем вообще нет, как нет и "истины", на что обращал внимание в первых строках своего "Слова" еще Иларион.

В толковании Б.А. Успенским ветхозаветных эпизодов остается неясной "дифференциация подлинной и эмпирически воспринимаемой действительности, объективного и субъективного (кажущегося)". Что здесь в этом смысле дифференцировалось, если в соответствии с архаическим сознанием (не "культурным", как этот термин понимает Б.А. Успенский, а просто архаическим) вполне реально змей Аарона, брата Моисея, пожрал (поглотил) змеев египетских (Исх. VII, 12)? Никак не следует из рассуждений об "объективном и субъективном" общий вывод о том, что противопоставленность церковнославянского и русского языков "представляется весьма актуальной для архаического культурного сознания в качестве своего рода семиотической доминанты" (с. 113). Не выдерживает соприкосновения с фактами, реально представленными в текстах, такого рода "семиотизация" текстов и языка. К сложнейшим языковым процессам и состояниям не подходит двоячная система исчисления, признание в языке одних лишь бинарных противопоставлений, оппозиций. Для уяснения значения слова *правьда* в древнерусском можно привести достаточное количество литературных примеров: Разумно послушати подобаетъ пьрѣ соуди-амъ. неоудобъ бо ѣсть правьды изобрѣсти. скоро отбѣгающе или отъгонаште. Изб. Св. 1076 г., 200; Глѣ томоу [Феодосію] жена... и азъ прѣдохъ како да и мнѣ поможетъ обидимѣ соущи бес правьды *от* соудии. (Ж. Феодос. Нест.) Усп. сб., 126.

На уровне семантики слов, составляющих праславянское наследие, невозможно развести на два языка язык древнерусских памятников, "литературных" и "нелитературных". Поэтому трудно обнаружить последовательность и в изъятии из круга источников Слова-ря древнерусского языка произведений церковно-канонической литературы — Евангелия, Апостола, Псалтыри, книг Ветхого завета, при включении как оригинальных, так и переводных произведений агиографической, церковно-проповеднической и церковно-юридической литературы⁶. Ведь только рукописи Евангелия составляют 25% рукописного славяно-русского фонда в хранилищах СССР. А лингвотекстологический анализ списков Евангелия позволил сделать вывод о том, что "глубоко ошибочно распространенное мнение будто бы памятники письменности, предназначавшиеся для церкви (в том числе Евангелие, Апостол, Псалтырь), канонизированы и что при их переписке в древности и средневековье писцы соблюдали букву переписываемого оригинала. В действительности при большем или меньшем единстве текста, как такового, списки этих памятников различались не только по языку и диалектным особенностям (не говоря уже о палеографии, графике и орфографии), но и по содержанию"⁷. Нельзя не учитывать, что богослужебные тексты были наиболее читаемыми, по ним учились

⁶ Словарь древнерусского языка XI - XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. М., 1966. С. 15.

⁷ Жукowska Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 351.

грамоте; словарь этих текстов не мог не быть активным словарем образованной части населения Древней Руси. В отношении функциональном, имеющиеся в этих текстах старославянизмы, грецизмы в XI—XIII вв. — заимствования, в значительной своей части усвоенные древнерусским языком, что может быть подтверждено использованием их в оригинальных древнерусских произведениях. (Если же принимать тематические и стилистические различия текстов за различия языков, то понятие о языке, неважно современном или древнем, исчезает, размывается. Любая разновидность языка может быть тогда объявлена особым языком. У Б.А. Успенского закономерно не "язык Киевской Руси", даже не "языковая ситуация в Киевской Руси", а "языковая ситуация Киевской Руси".)

Проблема источников исследования должна решаться, конечно, не умозрительно, а на опыте. Необходимо ответить на вопрос: имеются ли коренные отличия в словаре древнерусских памятников, источником которых могли быть тексты кирилло-мефодиевских или южнославянских переводов, и произведений, созданных или переведенных уже на Руси. Интерес в этом отношении может представить сравнение словника Мстислава евангелия, с одной стороны, со словниками Изборника Святослава 1076 г., Выголексинского сборника, Синайского патерника и Успенского сборника (по изданиям Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка), с другой — со словником свода классических памятников старославянского языка по Пражскому словарю (SJS)⁸. В этом двустороннем сравнении словник Мст. ев. показывает примерно такое количество отличий, какое и может иметь текст, столь обширный по объему: полного лексического единообразия нет в древних текстах "традиционного содержания". Каковы же конкретно эти отличия?

В группе древнерусских текстов, не причисляемых к каноническим, отсутствуют такие имеющиеся в Мст. ев. слова, как *алавастръ*, *алоиньи*, *аромафъ*, *артеопагит*, ряд образований с *архи-*, в целом на А- это только грецизмы, но и их, отличающих именно этот текст, сравнительно немного. Далее отсутствуют следующие слова:

багъръ, при том, что есть производные *багърница* — во всех четырех сравниваемых текстах, *багърныи*; в оригинальных древнерусских произведениях слово *багъръ* употребляется довольно широко, по крайней мере с Кирилла Туровского, XII в.⁹;

безмъздникъ (в заг. чт.), но в Усп. сб. и др. памятниках — *безмъзднюк*; само слово есть в Новг. I лет. под 1146 г.;

безочъство, в Усп. сб. *безочивъ*, *безочъствовати съ*; слово отмечено с XIV в.;

бесправди-а, в Усп. сб. *бесправдънь(и)*; само слово отмечено с XVI в.;

бичь, есть в Пчеле XIII в.;

благоизволити, отмечено в Стихираре XII в.;

варь 'зной' — в этом знач. фиксируется в Прологе XIV в. и в Алфа-

⁸ Slovník jazyka staroslovenského. Praha, 1958 и след.

⁹ Здесь и далее сопоставления (и сокращения источников) по СлРЯ XI — XVII вв.

вите XVII в., в знач. 'кипяток' — впервые в Ник. лет. под 1382 г.; судя по данным СРНГ, в обоих значениях слово широко распространено в русских говорах, отмечено в словарях литературного языка с XVIII в.; **ветъшати (ветъшаяущь)** — *ветъхъ(и)*, есть во всех сравниваемых текстах; *ветшати* — *ветшити* отмечено в памятниках с XIII—XV вв.; **вечераник**, но с XI в. очень широко в памятниках *вечерь*, *вечеря*, *вечеряти*, *вечерьнии*; само слово отмечено лишь в Посл. мт. Фотия, XVI в. ~ 1419 г.

Не нуждаются в подробных комментариях такие имеющиеся в словнике Мст. ев., но отсутствующие в четырех сравниваемых текстах слова, как *винопища* (отмечено с XI в.), *водоносъ* (с XII в.), *врѣднѣ*, нар. (с XII в.), *въвѣсити* (с XVI в.), *въгнѣздити сѧ* (с XV в.), *възвалити* (с XI в.), *възвѣ-ати* (см. *возвѣяти* — с XVI в.), *въздрьдати* (с XI в., см. *возрыдати*), *възмѣрити сѧ* (см. *возмѣритися* — с XIV—XV вв.), *възньзити (взнизати, вознизати* — с XVI в.), *въливати* (с XIII в.), *вълнѣннѣ* (с XI в.), *въсадити сѧ* (с XII—XIII вв.), *въскысноути* (с XIV—XV вв.), *въслѣдити* (см. *вослѣдити*, с. XII в.), *въстроубити* (см. *вострубити*, с Лавр. лет. под 968 г.), *въстрѣгати* (см. *восторгати*, с XII—XIII вв.), *въстрѣзати* (с XV в., в ином знач. — XI в.), *въсходьница* (с XI в.), *въц(с)рити сѧ* (с XII в.), *высоко*, нар. (с XII в.), *вървь* (с XI в.), *върже-нит-є* (с XV в.), *въдѣти* (с Лавр. лет. под 1036 г.), *вѣзати* (с XII в.).

Сравнение показывает значительную близость словника Мст. ев. сводному (хотя, конечно, не исчерпывающему) словнику древнерусских памятников, представленному в СлРЯ XI—XVII вв. Словник Мст. ев. обнаруживает отличия и от словника Пражского словаря, включившего в круг своих источников основной корпус древнейших славянских евангелий. Так, в Мст. ев. имеются следующие слова, отсутствующие в SJS:

благохвалити: и **примь** Ɱ̅: тоу хлѣбъ благохваливъ прѣломи (Мар. VIII, 6) л. 66б. Обычно в евангельских текстах в соответствии с греч. *εὐχαριστήσας* (*gratias agens*) — хвалж въздавъ; и **примь седмь хлѣбъ и рыбы хвалж въздавъ прѣломи** (Мат. XV, 36) Остр. ев., л. 71а; также хвалж въздавъ (Мат. XVI, 27) в Зогр., Мар., Ас., Сав. — SJS, вып. 6, с. 263. В древнерусских оригинальных и переводных памятниках: *благохвалити* — Патерик Печ. XV в. ~ XIII в., ВМЧ XVI в.; *благохвалитися* — Гр. Наз, с толк. Ник. Ир. XIV в., ВМЧ; *благохваление* — Стихирарь XII в., ВМЧ; *благохвальный* — с Ипат. лет. под 1197 г.; *благодарство* — с XVII в., но *благодарствовати* — Патерик Син. XI—XII вв.; *благодарити* — Хрон. И. Малалы XV в. ~ XIII в.; *благодарение* — Усп. сб. XII—XIII вв., ВМЧ; *благодарные*, нар. — Выг. сб. XII в.; *благодарный* — Ипат. лет. под 1289 г. Ни одного из этих слов нет в SJS;

боуиць: боуици и слѣпни что есть боле злато ли црѣкы свѣтати-а злато (Мат. XXIII, 17); боуици и слѣпни что боле есть даръ ли или олтарь иже осщаѣтъ даръ (Мат. XXIII, 19) л. 134 г.;

боу-авъ: Ɱ̅. же бѣ отъ нихъ боу-авъ (Мат. XXV, 2) л. 136в. В Остр. ев. этот же стих: пать же бѣ отъ нихъ боуи. л. 85г. Обычно в соответствии с греч. *ψωραί* (*fatuae*) находим *боуи* — в Мар., Зогр. — SJS;

боу-ати: аще же соль боу-аѣтъ чимъ оубо осолит сѧ (Лук. XIV, 34) л. 90в.

В других текстах в соответствии с греч. *μωρανθη* (*enanuerit*) находим *обоуть*, например, в Зогр., Мар. — SJS.

Из этих трех слов только *боуиць* не отмечено в СлРЯ XI—XVII вв.; в ЭССЯ к праславянскому **bujića* приведены разнообразные материалы из южно- и западнославянских языков, из древнерусского здесь (и у Срезневского) указаны только топонимические. Показания Мст. ев. приобретают в связи с этим особый интерес: вместе со сложениями на *буе-*, гнездо производных от *буи* (только бесприставочных!) — это более двух десятков слов в СлРЯ XI—XVII вв., причем *буяти* — с Гр. Наз. XI в.

бѣлильникъ: и быша ризы ѿго бльщаща са бѣлы зѣло како снѣгъ. ацѣхъ же не можеть бѣлильникъ на земли тако обѣлити (Мар. IX, 3) л. 204 б. Греч. *γυαφεύς* (*fullo*) в Мар. и Зогр. в этом стихе не переводится: не можеть. гнафеі на землѣ тако бѣлити; в других текстах — *бѣлильщикъ*. Срезневский приводил пример с этим словом из Хрон. Г. Амарт., оно активно употребляется в русской письменности XVI—XVII вв., с XVI в. также прил. *бѣлильниковъ*;

бѣсовати са: и вълѣзьшо ѿмоу въ корабль молаше и бѣсовавыи са (Мар. V, 18) л. 60 б (*ὁ δαιμονισθεὶς*, *daemoniacus*). Глагол отмечен Срезневским в Мин. Пут. XI в., Мин. Май XIII в., Ио. екз. Бог. XII в.; см. также: Флавий Полон. Иерус. XV в. ~ XI в. в СлРЯ XI—XVII вв.;

бѣсьновати: и възвѣстиша же имъ видѣвшеи како спѣсе са бѣсьновавыи (Лук. VIII, 36) л. 84 б (*δαίμονισθεὶς*, *qui a daemōnio vexatus ferat*). То же в Остр. ев. (Мат. VIII, 28). Срезневский отмечал, также в форме прич., — *бѣсноуаи* в Панд. Ант. XI в. (Амф.);

виновать: а иже кльнетъ са въ даръ лежащи върхоу ѿго виновать єсть (Мат. XXIII, 18) л. 134г. В других текстах в соответствии с греч. *ὀφείλει* (*debet*) — *длъжьнь*, например, в Мар., Зогр. — SJS. Обычно в этом значении в древнерусских памятниках слово не отмечается, но значение 'долг, повинность, обязательство' есть у слова *вина* и производных, главным образом, — в древнейших юридических текстах и в летописных записях. *Вина* 'то, что взимается в качестве возмещения ущерба' — О княжих отроцѣхъ и о епископлѣхъ, вины. Правда Рус. (пр.), 216. XV в. ~ XII в.; 'пошлина, повинность, обязательство' — (907): Приходящая же русь... да творять куплю, иже имъ надобѣ, не платяче вины ни в чемъ же. Новг. V лет., 20 (*мыта* — Лавр. лет., 31). Ср. прил. *виньнь*: ако же мьнѣ дѣва длъжьн(и)ка бѣста соудълъжнѣкоємоу. ты. ти си. мьнѣ не соудълъжа тѣчию ни длъжьника нѣ оба виньна. Усп. сб., 338. XII—XIII вв.;

вительница: кде єсть вительница иде же пасхоу съ оученики моими ѣмъ (Лук. XXII, 11) л. 118 в. В соответствии с греч. *τὸ κατάλυμα* (*diver solum*) обычно *обитѣль*: кде єсть обитѣль. иде же пасхъ съ оученики моими снѣмъ (Мар. XIV, 14) Зогр., Мар., Ник. — SJS. Слово *вительница* есть в Синайском патерике XI—XII вв., в ВМЧ. *Витати* — Патерик Син., Усп. сб., Ефр. Корм. XII в. и разнообразные памятники XVI—XVII вв. Отметим также: *витатися* — с XVI в., *витель* и *вительница* — с XVII в.; *витание* — с XIII в., *вителище* — с XI в., *вительецъ* — с XV в., *вительня* — в Лекс. трыз. 1704 г. В SJS есть только *витати* и *витание*;

воналица: лютъ вамъ фарисеомъ нако десатиною даѣте отъ воналица. и пигана и всего зелина (Лук. XI, 42) л. 85а. Чаше в соответствии с греч. τὸ ἡδύοσμον (mentha) — *мята*, например: отъдесатьствоуете матъ (Мат. XXIII, 23) Юр. ев. п. 1119 г. (Срезн. т. III, Доп.). В памятниках XIII—XVI вв., кроме *вонялица*, также *вонявица*, *воняница*;

възвоуза (възвоузы): ъмоу же нѣсмь достоинъ поклонъ са раздрѣшити възвоузы сапогомъ ѡго (Мар. I, 7) л. 184г; ъмоу же нѣсмь достоинъ отрѣшити възвоузы сапогомъ ѡго (Лук. III, 16) л. 185г (τὸν ἰμάντα, согііаm). То же в обоих случаях в Юр. ев. (Срезн.). В Остр. ев. в обоих случаях *ремене*. Ср. также *вуза* у Срезневского;

въздрючати са: и приведоша ъмоу вса болаща различными недоугы... въздрючающа са въ врѣмена лоунына (Мат. IV, 24) л. 28а. Обычно в соответствии с греч. σεληνιαζομένων (lunaticos) — *мѣсячные*, см. SJS. В древнерусских памятниках находим: Аже то, рече, въздрючуются [вар.: взручается, възрываются, въздрючает(ся)], дати ли тому причастие? (Вопр. Кирика) РИБ VI, 28. XIII в. ~ 1156 г.; Видѣние аггѣлское вижу именем Гавриила и, не трѣпя его видѣния, изнемогаю и въздрючаюся. Хрон. Г. Амарт., 449. XV в. ~ XI в. Аще кто бѣсень будет или възрывается, над мертвыи да не ходить. Правила, 40. XIV—XV вв. Ср. у Срезневского *възрютися*. В современном просторечии *въздрючить*, *въздрючка*. В ЭССЯ *drqkatі иллюстрируется употребительным в русских говорах *дрюкати*; ср. также *дрюкнуть*, *дрючить* в СРНГ;

възлеженіе: и вышьна сѣдания на съборищихъ. и вышьна възлеженіа на вечерахъ (Мар. XII, 39) л. 108г (πρωτοκλισίας, primos discubitus). В SJS только *възлѣганіе*, а сочетанию *вышьнѣ възлеженіе* в других текстах обычно соответствуют *прѣждевъзлѣганіе*, *прѣвъзлѣганіе*, *прѣвовъзлеженіе*;

въплюноути: и имъ по ржоку слѣпца изведе и вънъ вси. и въплюноувъ въ очи ѡго (Мар. VIII, 23) л. 100в (πτύσας, exruens); въплюноу — в Юр. ев.

Не претендующая на полноту сопоставлений, эта выборка слов, отличающих текст Мст. ев. конца XI — начала XII в. от других славянских евангельских текстов, показывает, что словарный состав древнерусских "памятников традиционного содержания" имеет прочную опору в древнерусской лексике, причем разнообразной — книжной и диалектной. Необходимо в полной мере использовать показания этих древнейших памятников в исторической лексикологии русского языка.